

Leonid MOSIONJNIC,
Universitatea „Școala Antropologică
Superioară”

Леонид МОСИОНЖНИК
Университет «Высшая
Антропологическая Школа»

Recenzia na сборник: „Moșteniri comune = Common Heritage = Общее наследие”, conferință științifică internațională (2018; Chișinău). Moșteniri comune = Common Heritage = Общее наследие. „2018 – Anul European al Patrimoniului Cultural: Multiculturalismul și Tradiția Austriei”: Materialele Conferinței Științifice Internaționale, Chișinău, 12 iunie 2018 / dir. gen.: Elena Pintilei; alcăt.: Elina Bolgarina; coord. ed.: Ludmila Corghenci. – Chișinău: BNRM, 2019. (Tipogr. „Primex-Com”). – 112 p. ISBN 978-9975-3290-2-6.

Rezumat: Recenzia este realizată pe baza lucrării „Moșteniri comune” publicată de Biblioteca Națională a Republicii Moldova în urma lucrărilor conferinței „2018 – Anul European al Patrimoniului Cultural: Multiculturalismul și Tradiția Austriei” (12.06.2018). O atenție deosebită se acordă rapoartelor privind importanța experienței statului multinațional austriac pentru Europa de Est modernă, precum și motivele semnificației speciale a acestei experiențe pentru Moldova. În evaluarea acesteia, unul dintre autori amintește de semnificația componentei sociale a problemelor interetnice. În statele din Europa de Est, în special, cum ar fi Imperiul Austriac sau Rus, diferite etnii au ocupat, în același timp, nișe sociale diferite, ceea ce le-a transformat de fapt în grupuri etnice. Această circumstanță a complicat soluția problemelor interetnice și nu le-a permis să se reducă doar la problema limbii sau a egalității individuale.

Cuvinte-cheie: Monarhia Habsburgică, statul multi-etnic, procese interetnice, multiculturalism, pluriculturalism, relațiile austro-moldave, patrimoniul cultural, istoria Chișinăului, Vincentice Fux, Heinrich von Lonski, Franz Kafka.

Аннотация: Рецензия посвящена сборнику «Общее наследие» изданному Национальной библиотекой Республики Молдова по итогам конференции Европейский год культурного наследия 2018: Мультикультурализм и традиция Австрии» (12.06.2018). Особое внимание уделено докладам, посвященным значению опыта многонационального Австрийского государства для современной Восточной Европы, а также причинам особого значения этого опыта для Молдовы. При его оценке автор напоминает о значении социальной составляющей межнациональных проблем. В государствах Восточной Европы, особенно таких, как Австрийская или Российская империя, разные этнические группы занимали в то же время неодинаковые социальные ниши, что фактически превращало их в этно-сословия. Это обстоятельство осложняло решение межэтнических проблем и не позволяло свести их только к проблеме языка или индивидуального равноправия.

Ключевые слова: Габсбургская монархия, многонациональное государство, межэтнические процессы, многокультурность, плюрикультурность, австро-молдавские связи, культурное наследие, история Кишинёва, Винцентий Фукс, Генрих фон Лонский, Франц Кафка.

Abstract: *The review is dedicated to the collection "Common Heritage", published by the National Library of Moldova, following the results of the conference "European Year of the Cultural Heritage 2018: Multiculturalism and Tradition of Austria" (12.06.2018). Special attention authors pay to reports on the importance of the experience of the multinational Austrian state for modern Eastern Europe, as well as the reasons for the special significance of this experience for Moldova. In assessing it, one of authors recalls the significance of the social component of interethnic problems. In the states of Eastern*

Europe, especially such as the Austrian or Russian Empire, different ethnic groups occupied at the same time different social niches, which practically turned them into ethnic estates. This circumstance complicated the solution of interethnic problems and did not allow reducing them only to the problem of language or individual equality.

Keywords: *Habsburg monarchy, multinational state, interethnic processes, multiculturalism, pluriculturalism, Austro-Moldavian relations, cultural heritage, the history of Chisinau, Winzenz Fuchs, Heinrich von Lonski, Franz Kafka.*

12 июня 2018 г. в Национальной библиотеке Республики Молдова (НБРМ) прошла Международная научная конференция: «Европейский год культурного наследия 2018. Мультикультурализм и традиция Австрии». Поводом для неё стали три совпавших события: Европейский год культурного наследия, 100-летие с момента распада Австро-Венгерской империи и 135-летие со дня рождения Франца Кафки. Организаторами конференции стали Национальная библиотека Республики Молдовы, посольство Австрийской Республики в Кишинёве и Австрийский культурный форум в Бухаресте.

Исторический опыт Дунайской монархии в последние десятилетия привлекает повышенное внимание как на Западе, так и на Востоке. Для стран ЕС мультикультурность поздней Габсбургской империи интересна как образец сосуществования разных народов и языков в едином политическом образовании. Этот опыт может стать «специфическим вкладом Австрии в европейское культурное наследие», как подчеркнула в своём приветственном слове г-жа Кристина Фрайлингер, посол Австрии в Молдове.

Но и у россиян интерес к опыту бывшего соседа растёт, и по своим причинам. В советское время даже в вузовских учебниках истории в отношении Австрии тиражировались представления кануна Первой мировой войны, включая штампы «лоскутной монархии» и «тюрьмы народов». За редкими исключениями, изучалась не столько

история Австрии, сколько история национально-освободительной борьбы её народов, включая уже другие штампы – о «вековых чаяниях», о «пробуждении» народов, которые до этого якобы «спали» (Андерсон 2001: 211), и прочее. И, конечно же, история борьбы между обеими империями – Российской и Австрийской – из-за влияния на Балканах.

А потом настал 1991 год, когда СССР разделил судьбу Дунайской монархии. И вот тогда-то российский взгляд на старую Австрию стал меняться. Всё меньше говорилось о былом соперничестве двух империй, всё больше – об общности их исторических судеб. Вспомнили, что целых полтора века – со времён Петра I и Евгения Савойского – Россия и Австрия были традиционными союзниками, и даже Наполеону не удалось их всерьёз рассорить, несмотря на все усилия в период между Тильзитом и Лейпцигом. Заметили, что от начала либеральных реформ Иосифа II и Александра II до распада обе империи проделали, в общем-то, схожий путь, с теми же основными этапами (Хорева 1993). Вспомнили, наконец, что великая культура Австрии (во главе с такими именами, как Моцарт, Шуберт, Фрейд, Бальцман, Кафка и десятки других) могла сложиться только в таком поле диалога множества национальных культур, каким была старая Вена. И акценты стали смещаться: всё меньше – о борьбе за разрушение многонационального государства, всё больше – об опыте борьбы за его сохранение, об опыте диалога центральной власти и национальных дви-

жений. В этом направлении уже вышел целый ряд трудов под эгидой Института славяноведения и балканистики РАН, сложилась целая школа, созданная доктором исторических наук Тофиком Муслимовичем Исламовым (1927-2004).

Наконец, Молдову со старой Габсбургской монархией связывают многие обстоятельства. Во-первых, регион Нижнего Дуная был яблоком раздора для обеих родственных по духу империй. Аннексия Бессарабии Россией в 1812 году стала первым клином, вбитым в русско-австрийские отношения, до этого почти сто лет традиционно дружественные. Ведь Дунай был главным путём австрийского экспорта на Балканы – на единственный рынок, на котором австрийская продукция могла конкурировать с английской. Теперь этот путь оказался под контролем другой державы, хотя бы и союзной. И это случилось в момент, когда у Австрии вообще не было другого выхода к морю: Триест и Далмация у неё были отняты Наполеоном. Больше того, дальнейшее движение России на Балканы грозило Австрии охватом с трёх сторон (с северо-востока – из Польши, с востока – с Украины, с юга – из района Нижнего Дуная) и в итоге – потерей самостоятельности, а российские планы в отношении балканских славян – обострением национальной борьбы внутри самой империи Габсбургов (Тарле 1959: 17-18; Шимов 2003: 214, мнение А. Дж. Тэйлора). Такая перспектива тревожила даже Меттерниха и Радецкого: «В тот момент, когда Россия овладеет Константинополем, Австрия превратится, по мнению Меттерниха, в русскую провинцию» (Тарле 1959: 88). Исходом этих событий стало крушение русско-австрийского союза в годы Крымской войны.

Во-вторых, Бессарабия имела с Австрией общую границу на Буковине. В течение всей первой половины XIX в. монархия Габсбургов была главным торговым партнёром Бессарабии, опережая в этом смысле даже другие губернии России (см.: Гросул 2018: 239, 241, 245 и др.). Берега ручья близ Новоселицы, до

сих пор значащегося на картах как «Старая Граница», стали свидетелями многосторонних межэтнических контактов, очень часто без санкции властей. Это видно по отчёту И. С. Аксакова «Записка о бессарабских раскольниках», представленному в III-ем отделении, а позже опубликованному в «Русском Архиве». В частности, И. С. Аксаков в 1849 г. описывает (и это его тревожит), как русские старообрядцы Белокриницкого согласия не только спокойно живут в австрийской Буковине, но и пользуются полной поддержкой местных евреев и молдаван в своих сношениях с единоверцами в России, в обход царских пограничных постов (Аксаков 1888: 436-438). Перепись населения 1897 года зафиксировала в Бессарабии 23.157 постоянных жителей – иностранцев, причём две трети из них (15.994) составляли австрийские подданные (Тройницкий 1905: 66-67, табл. XI).

В-третьих, российское правительство в своей политике на окраинах часто и сознательно копировало австрийский опыт. Этому способствовала не только традиционная для XVIII века русско-австрийская дружба, но и типологическое сходство двух империй: обе управлялись просвещённой бюрократией, фактически слившейся со старым дворянством; обе в разное время смотрели на себя как на единственных или главных защитников истинной веры – в одном случае католической, в другом православной; в обеих долго господствовало крепостное право; обе были многонациональны. Это копирование австрийских образцов отразилось и на Бессарабии. Так, колонизационная политика Александра I в Буджаке повторяла опыт 1718 и последующих годов по колонизации Баната, известный как «швабское нашествие» (Пристер 1952: 261-263). Да и в целом колонизация Новороссии, с предоставлением переселенцам таких льгот, каких они не получали в других областях России (включая веротерпимость), явно копировала указы Карла VI (фактическим вдохновителем был принц Евгений Савойский) от 1719 г.

и Марии Терезии от 1749 г. (Пристер 1952: 179, 255-256). С другой стороны, направленный в Бессарабию для её описания П. П. Свиньин убеждал председателя Комитета министров Н. И. Салтыкова сохранить в крае прежние законы, ссылаясь именно на то, что так же поступили австрийцы в Буковине – другой части прежнего Молдавского княжества, причём на этом пути добились успеха (Гросул 2018: 106). Потому-то во многих отношениях российская Бессарабия больше напоминала австрийскую провинцию, чем губернию внутренней России или даже Украины. И даже между национальными проблемами, поразившими этот край в XX веке, и такими же проблемами, например, в австрийской Богемии можно усмотреть немало прямых параллелей.

В-четвёртых, по обе стороны границ жили люди, говорившие на одних и тех же языках. Но при этом Австрия раньше России вступила на путь либерализма, по крайней мере в культуре. Поэтому, например, румынское национальное движение началось не в Бухаресте или в Яссах: у его истоков стояла Трансильванская школа. Польская литература развивалась в Галиции гораздо свободнее, чем в Царстве Польском, но та же Галиция дала немало классиков и украинской литературы. Для евреев России положение их собратьев в Австрии было предметом мечтаний. И когда кишиневский врач М. Б. Слуцкий описывает антиеврейскую политику двух последних русских царей, то противопоставляет ей именно национальную терпимость Франца Иосифа (Слуцкий 1927: 119-120; 2019: 175).

Наконец, в-пятых, Австрийская империя была страной высочайшей культуры, причём самой близкой к Бессарабии из всех вполне европейских стран того времени. Уже это вело к сильному культурному влиянию — особенно в сфере музыки (напомним, что в XVIII-XIX веках именно Вена была музыкальной столицей мира), архитектуры и быта. Н. И. Надеждин отмечал в 1839 г. – это высказывание приводится в ста-

тье Ольги Гарусовой в рецензируемом сборнике (с. 64) – тягу бессарабской знати к путешествиям «в заветную столицу Австрии» и к подражанию венской моде: «Кто был в Вене, тот считается образцом всех возможных совершенств, джентельменом *nes plus ultra*». И дело не только в том, что «до Парижа далеко», как иронизировал тот же Н. И. Надеждин (там же). Эпоха 1815-1848 годов для Австрии – это эпоха стиля бидермейер, эпоха, когда буржуазные вкусы решительно торжествовали над аристократическими – это было заметно даже при императорском дворе (Шимов 2003: 220-221). Поэтому для такого города, как Кишинёв, венский стиль, более камерный и уютный, был доступнее, чем помпезная парижская роскошь. Многие здания старого Кишинёва и Одессы отмечены печатью венского барокко. Достаточно назвать одесский Оперный театр и кишинёвский дом Херца.

Сказанного довольно, чтобы обосновать тот повышенный интерес, который должна вызывать в Молдове история и культура старой Австрии. Вернёмся теперь к самому сборнику.

Он открывается приветственными выступлениями Томаса Клойбера, директора Австрийского культурного форума в Бухаресте, Елены Пинтилей – генерального директора Национальной библиотеки Республики Молдовы, Кристины Фрайлингер – посла Австрии в Молдове. В разной форме в них подчёркивалось значение австрийского наследия для новой Европы и для современных австро-молдавских связей.

Этой же теме посвящён и доклад «**Плюрикультурность поздней Габсбургской монархии как специфический вклад Австрии в европейское культурное наследие**», с которым выступил доктор Йоханнес Файхтингер, научный сотрудник Австрийской Академии наук (с. 19-32). При этом с самого начала автор подчёркивает различие между мультикультурализмом и плюрикультурностью: в первом случае разные культуры сосуществуют, но не смешиваются, во втором – «культурные

различия элиминируются с помощью социальных взаимодействий и транскультурных сетей связи» (с. 27). На этот второй путь и попыталась встать Дунайская монархия в последние полвека своего существования.

Но прежде чем перейти к основному содержанию, Й. Файхтингер делает несколько предварительных замечаний по поводу мифов «национального триумфа» и «национальной травмы», сквозь призму которых до сих пор воспринимается австрийская история (с. 28-29). Прежде всего, он напоминает, что между правительством и национальными движениями преобладала не конфронтация, а диалог. Вплоть до последнего, 1918-го, года почти все национальные деятели рассчитывали всё же на перераспределение власти внутри общего государства, а не на его разрушение. Замечу, кстати, что и в этом «императорская перестройка», как назвал чешский историк И. Шедивы реформы Карла I (Шимов 2003: 548), напоминает «перестройку» советскую. Далее, никакого «национального триумфа» не получилось: на руинах Габсбургской монархии возникли не национальные государства, а малые империи, страдавшие теми же проблемами, но пытавшиеся решать их с позиций национализма, что вело их к неизбежной катастрофе. О том, какую форму принимали попытки обрядить такую мини-империю в тогу «этнического государства» (см., например: Solonari 2015, особенно часть I). На этом фоне поздняя Австрия, в которой (как и в СССР) формально не было даже государственного языка, а имперское правительство умеряло крайности межэтнических конфликтов, могла казаться утраченным раем.

Культурный плюрализм держался на административном и судебном сдерживании крайностей, а кроме того, на национальной индифферентности большинства населения и на практическом многоязычии. Самой гетерогенной из всех коронных земель была Буковина с 6 этническими группами и 4 конфессиями. По данным В. Вагнера, к этим 6

группам (русины, румыны, немцы, евреи, поляки, венгры) нужно прибавить ещё словаков и армян (Wagner 2009: 122-123), тем не менее, Буковина славилась межэтническим миром. В то же время в самых развитых землях — Австрии, Богемии, Венгрии — конфликты были самыми острыми, хотя там не было даже религиозных различий. Вывод Й. Файхтингера гласит: «процветание не обязательно влечёт за собой гармонию, а бедность — конфликты» (с. 22, 30). Всё дело, по автору, в наличии или отсутствии взаимопонимания.

Немалую роль играл смешанный язык, а многоязычие было практически нормой. Декабрьская конституция 1867 г. предусматривала обязательное изучение второго языка. Но правительство пошло на поводу у националистов и начало делить по национальному признаку школы, университеты (Пражский в 1882 году) и избирательные округа. За соглашением с венграми последовали подобные же соглашения (Ausgleich) 1905 года в Моравии, 1910 — в Буковине и 1914 — в Галиции. В силу их, избиратели вносились в «национальные кадастры» и голосовали как немцы или чехи, но не как граждане Моравии (с. 23, 31). В итоге избирательная система Буковины, введённая в 1910 году, оказалась одной из самых сложных в Европе (Wagner 2009: 123), причём просуществовала она лишь 8 лет, а пригодилась за это время всего один раз — на выборах 1912 года. Об ошибочности такого пути ещё в 1899 г. предупреждали австрийские социал-демократы на съезде в Брюнне. Обсуждая проект культурно-национальной автономии, предложенный Отто Бауэром и его единомышленниками, они, в частности, отметили недостаток этой программы: «её результатом было бы увековечение шовинизма, внесение его в каждую маленькую общину, в каждую маленькую группу» (цит. по: Ленин 1973: 133). Но в тот период у Австрии уже почти не было свободы манёвра.

Беда в том, что ни правители Габсбургской монархии, ни современные защитники их политики не обращали

должного внимания на социальный аспект национального вопроса. И дело не только в бедности. Хотя Австро-Венгрия не была богатой страной, но «австро-венгерские власти шли за Бисмарком в его политике “государственного социализма”, в результате чего к началу XX столетия Германия и Австро-Венгрия располагали самыми развитыми системами социального обеспечения в мире» (Шимов 2003: 312). То же можно сказать и о СССР – по крайней мере, в 1970-1980-е годы. Почему же, по выражению Й. Файхтингера, процветание не повлекло за собой гармонию?

Дело даже не только в том, что «народ» – вообще неоднозначное слово. Под ним могут пониматься и группы, связанные общим языком и культурой (этнос), и все граждане одного государства (политическая нация), и только полноправные граждане, и, напротив, социальные низы, и даже случайная большая группа людей (см. подробнее: Мосионжник 2017). Но в условиях Юго-Восточной Европы этносы превратились в этно-сословия: принадлежность к ним была связана с местом в системе разделения труда. Например, в Трансильвании XIX века румыны были в основном крестьянами; эту социальную нишу с ними делили венгры, русины и привилегированная группа секеев. Дворянство было почти исключительно венгерским: лица других национальностей, получив дворянство, обычно переходили на венгерский язык и ассимилировались. Среди городской буржуазии преобладали немцы (в основном трансильванские саксы), в меньшей мере евреи. Особую группу составляли ромы, выполнявшие ряд важных функций – например, сельских кузнецов. Наконец, интеллигенция выходила в основном из среды высших сословий, интересы которых обычно и представляла. В таких условиях национальный вопрос никак нельзя было свести ни к изучению языков, ни к культурной толерантности. Ведь отношения, например, между румынами и венграми превращались в отношения между крестьянами и помещи-

ками по вопросу о земле. А этот вопрос решить не удалось: до 1848 года мешала консервативная политика Франца I и Меттерниха, а компромисс 1867 г. и вовсе отдал власть в Венгрии крупнейшим помещикам. В других землях монархии картина была схожей, с той лишь разницей, что те же социальные роли исполнялись другими «актёрами».

Ведь любая нация, в любом её понимании, – сложная структура. Никогда ещё не бывало, чтобы весь народ в полном составе участвовал в принятии решений, тем более – чтобы все его члены имели равные права в принятии этих решений. Когда мы говорим об отношениях между нациями, всегда имеются в виду отношения между их элитами. А эти элиты (в Восточной Европе это особенно заметно) далеко не всегда представляют общие интересы, гораздо чаще – клановые или групповые. Если этого не учитывать – неизбежны ошибки, которые ЕС уже допустил в своей политике в отношении стран Восточной Европы и которые он лишь теперь, похоже, начинает осознавать.

Статью Й. Файхтингера во многом дополняет статья Лилии Заболотной, научного сотрудника Национального исторического музея Молдовы: «**Проблема национально-конфессиональной идентичности в пост-габсбургском пространстве**» (с. 33-38). Лейтмотив этой статьи — в том, что система националистических режимов в Юго-Восточной Европе раздиралась куда большими противоречиями, чем Австро-Венгрия. Немалую и неблагоприятную роль тут сыграла и церковь, забывшая собственный принцип: «нет ни Еллина, ни Иудея, ни обрезания, ни необрезания, варвара, Скифа, раба, свободного, но все и во всём Христос» (Колосс. 3:11; Галат. 3:28) и пошедшая в общем русле националистической политики, утратив тем самым свою особую роль. Поэтому, хотя «1918 год стал символом осуществления национальной идеи» (с. 35), но только и именно символом. Дело не в том даже, что Версальская система стала торжеством принципа национализма.

Торжества-то как раз и не получилось. Этому мешали не только объективные сложности разграничения территорий со смешанным населением:

«Общая численность национальных меньшинств, получивших после войны чужое государственное подданство, достигала только в Европе 16 815 тысяч человек. Сам Ллойд Джордж, один из творцов Версальской системы, признавал, что по установлению новых границ вместо одного эльзас-лотарингского вопроса в Европе возникли десятки таких же проблем» (Минц 1945: гл. 37).

И не только в том дело, что конференция руководствовалась не только решением национальных проблем, но и интересами борьбы с большевизмом, и традицией старой дипломатии XVIII-XIX веков, проводившей границы по стратегическим соображениям (равновесие сил, удобство обороны или возможность угрожать соседу и пр.). Главное было то, что национализмом были поражены и сами победители, творцы Версальской системы. А это вело не только к столкновениям, например, между Англией и Францией, но и к тому, что права тех или иных наций учитывались в зависимости от того, каков был их вклад в мировую войну и на чьей стороне они выступали. Поэтому так и не удалось обеспечить «равные права в требованиях насчёт границ как для побеждённых стран, так и для стран-победителей» (с. 35). Например, Венгрия и Болгария до самой Второй мировой войны рассматривались как побеждённые враги, которых следовало держать под контролем. Достаточно взглянуть на карту с контурами Малой и Балканской Антанты. Зато Румыния была фаворитом Франции: её роль в подавлении революции в Бессарабии и Венгрии превращала её в один из главных элементов «санитарного кордона», направленного как против Советской России, так и против возможного возрождения военного могущества Германии. Такая система не могла не вызвать при первой же возможности взрыв ревизионизма.

Впрочем, сами по себе национальные движения далеко не сразу определились с тем, интересы какой, собственно, нации они представляют. Об одном из интересных случаев такого рода говорится в статье профессора Орловского университета Вячеслава Степанова, бывшего директора Центра этнологии Института культурного наследия АН Молдовы: «**Русины фронта двух империй в описаниях авторов второй половины XIX — начала XX вв.**» (с. 39-49). Автор опирается на ранние и достаточно подробные исследования русинов – как австрийских, так и бессарабских, в основном Хотинского уезда. При этом он чётко и достаточно резко различает этнографические исследования от современного «политического русинства» (с. 47). Как выяснилось, самоидентификация русинов была сложной и многоуровневой, что допускало разные исходы этнического самоопределения. Поэтому националистические «будители», как их тогда называли, оказались в парадоксальном, неожиданном для самих себя, положении: они не знали заранее, какое именно национальное сознание они «разбудят». Какое-то время сохранялась возможность формирования русинов как четвёртого восточнославянского этноса в рамках «королевства Галиции и Лодомерии» (Галицко-Владимирского) в составе Габсбургской монархии. Однако постепенно ведущими течениями стали «москвофилы», находившиеся под влиянием М. П. Погодина и И. С. Аксакова, и «украинофилы», связанные с этническими и социальными процессами в российской Украине. Какое из этих течений одержит верх – не было заранее предрешено, и факторы, повлиявшие на этот процесс, подробно рассматриваются в статье.

Второй блок сборника, также из трёх статей, посвящён австрийскому культурному наследию в Бессарабии и Республике Молдова. Открывается он статьёй Вероники Косован, заведующей отделом старой и редкой книги НБРМ: «**Румынская книга, напечатанная в Австрийской империи, из коллекции**

Национальной библиотеки» (с. 53-58). Речь идёт о печатной продукции Университетской типографии в Буде. Эта типография была основана в Трнаве (Словакия) епископом Миклошем Телегди в 1577 г. В 1777 г. Мария Терезия перевела типографию в Буду, а в 1779 г. дала ей привилегию на печатание книг религиозного, учебного, научного и научно-популярного характера для 16 народов тогдашней Венгрии. 90% изданий составляли религиозные книги и школьные учебники. В частности, за 50 лет (1780-1830) типография в Буде издала более 200 книг на румынском языке, обогнав издательства в Бухаресте и Яссах. В качестве цензоров и корректоров в ней работали крупнейшие представители Трансильванской школы: Самуил Мику-Клайн, Георге Шинкай, Петру Майор, Иоан Пиуариу-Мольнар. С 1780 г. румынские книги издавались на латинской графике по венгерским правилам, пока в 1795 г. не удалось закупить кириллический шрифт из типографии Стефана Новаковича в Вене (с. 55).

Обратим внимание на межнациональное сотрудничество, сопровождавшее эти издательские проекты. *Румынский* просветитель Мольнар служит «советником» (редактором) *румынской* литературы (с.55), издающейся в *венгерской* Буде по привилегии *австрийских* императоров. Купец из *саксонской* колонии Германштадт (Сибиу), с явно *болгарской* фамилией Хаджи-Поп, не только спонсирует его проекты, но и снабжает епископа Кесария Рымникского изданиями *французских* просветителей, включая знаменитую «Энциклопедию» (с. 57). Шрифт для изданий закупается в *сербской* типографии, находящейся в *австрийской* столице (с. 55), а благословляет издание *сербский* же митрополит Карловиц – Стефан Стратимирович (с. 58). И так далее. Как это отличается от межэтнических отношений в том же регионе каких-нибудь сто лет спустя!

Статья научного сотрудника Института культурного наследия АН РМ Ольги Гарусовой посвящена эпическому периоду истории Кишинёва – пуш-

кинскому времени: «**Клуб Винцентия Фукса в социокультурном пространстве Кишинёва 1820-х годов**» (с. 59-65). Практически вся история клубного дела в старом Кишинёве связана с австрийцами: Винцентис Фукс, Франц Крауз, Генрих фон Лонский. Это явно связано с ориентацией местного общества на венскую культуру, влияние которой распространялось в Бессарабии не только напрямую из Вены, но и опосредованно через Петербург. Для местной знати, которой парижские и петербургские образцы часто бывали не по карману, венский стиль подходил гораздо больше — об этом мы уже говорили. «Клубный дом» В. Фукса открыл собой историю клубного дела и – шире – организованной общественной жизни в Кишинёве. Здесь бывал Пушкин, здесь он впервые встретился со своим другом и будущим биографом И. П. Липранди, здесь произошла его ссора с полковником С. Н. Старовым, кончившаяся дуэлью, а затем примирением. Здесь же он записывал молдавские песни, в том числе, вероятно, «Чёрную шаль». О. Гарусовой удалось уточнить место, где когда-то располагался этот клуб, и проследить его историю. При этом автору удалось выявить необоснованное смешение клуба В. Фукса с «Зелёным трактиром» (на самом деле находившимся в Киеве) и тем самым ликвидировать историографическую ошибку, поныне кочующую из одной работы о пушкинском Кишинёве в другую (с. 61, 65). Хотя источник мифа о кишинёвском «Зелёном трактире» давно уже признан недостоверным, сам этот миф успел закрепиться и до сих пор пользуется доверием за пределами узкого круга пушкинистов.

Статья Элины Болгариной, заведующей отделом Литературы мира НБРМ, – «**Генрих фон Лонский, архитектор старого Кишинёва**» (с. 66-75), – восстанавливает незаслуженно забытое имя из истории нашего города. Уроженец Вены, выходец (возможно) из львовской шляхты, Г. фон Лонский входил в плеяду тех, кто в конце XIX века под руководством Карла Шмидта превращал

Кишинёв в современный европейский город. Именно в эти годы, по впечатлению губернатора князя С. Д. Урусова, «Кишинёв стал неузнаваем», были построены здания, которые «не испортили бы вида и на улицах столицы» (Урусов 2011: 159, 160). Имя Лонского связано с такими постройками, как Благородное собрание, Окружной суд, железнодорожный вокзал, и многими другими – это не считая его работ в Одессе, не менее значительных. Однако в академическом издании «Centrul istoric al Chişinăului» его имя упомянуто всего лишь в связи с двумя постройками: 1-ой женской земской гимназией и домом Херца (самым ярким образцом венского барокко в архитектуре города).

Впрочем, в старом Кишинёве очень часто один архитектор разрабатывал проект здания, другой его дополнял и утверждал, а третий руководил строительством. В памяти потомков при этом сохранялось имя лишь одного из соавторов – самое известное. Так, мемориальная доска на здании примэрии увековечила одного лишь А. И. Бернардацци, не упоминая о его коллеге Митрофане Александровиче Эллади. Как распределялись роли этих двух зодчих, сейчас уже трудно сказать. По-видимому, А. И. Бернардацци (в то время уже живший в Одессе) разработал проект здания, а М. А. Эллади воплотил его в жизнь. То же произошло с Генрихом фон Лонским, оказавшимся как бы в тени своего друга – того же Бернардацци: многие проекты они осуществили вдвоём. Остаётся надеяться, что новые исследования помогут стряхнуть пыль забвения с имени фон Лонского – одного из творцов той архитектурной жемчужины, какой был старый, ныне уже почти утраченный Кишинёв.

Третий блок статей сборника посвящён 135-летию со дня рождения Ф. Кафки. Доктор Манфред Мюллер, президент Австрийского общества Франца Кафки, открыл эту тему докладом: «**Франц Кафка и его среда (краткое введение)**» (с. 79-85, 86-90). Особый интерес вызывает отмеченная автором связь Кафки

с «мистическим романом», так обильно представленным в немецкоязычной литературе Праги (с. 83, 89). Широко известна связь литературной мистики с фантастикой. В финале «Хромой судьбы» братья А. и Б. Стругацкие – классики советской, как её тогда называли, «научно-фантастической» литературы, кумиры поколения советских «шестидесятников», – практически прямо указали на свою связь с М. А. Булгаковым, даже в письме к Сталину заявлявшим: «я – мистический писатель». А от Булгакова цепочка преемственности ведёт, естественно, к Гоголю. Так вот, в известной повести Гоголя так и не выясняется, почему с лица майора Ковалёва исчез нос, как он оказался в мундире статского советника, как и почему вернулся на место. Это всё неважно, важно другое: что делает герой, столкнувшись с необъяснимыми обстоятельствами? Но об этом же говорит у Ф. Кафки инспектор в первой главе «Процесса»:

«И пусть я не в состоянии ответить на ваши вопросы, но могу вам посоветовать одно: поменьше думайте о нас и о том, что вас ждёт, думайте лучше, как вам быть».

И чуть ли не теми же словами повторяется эта мысль у Стругацких («За миллиард лет до конца света»):

«Не о том вам надо думать, каким именно прессом вас давят, а о том, как вести себя под давлением. А думать об этом – гораздо сложнее, чем фантазировать насчет царя Ашоки, потому что отныне каждый из вас – ОДИН. Никто вам не поможет. Никто вам ничего не посоветует. Никто за вас ничего не решит» (гл. 7).

Ольга Сивак, заведующая сектором кишинёвской Еврейской библиотеки им. И. Мангера, продолжила тему докладом: «**Еврейский код мироощущения Ф. Кафки, эхом отозвавшийся в творчестве еврейских писателей Восточной Галиции**» (с. 92-98). Основное внимание уделено связи между творчеством Кафки и Ицика Мангера, однако параллели обнаруживаются и дальше – включая большую часть еврейской

литературы XX века, вплоть до современности.

Здесь следует пояснить, что «еврейский код», о котором говорится в статье, – это не какая-то мистическая сущность в духе романтического национализма (безразлично, «нашего» или «не нашего»). Это прежде всего ощущение жизни в вечно подвешенном положении, без надёжной опоры, в роли меньшинства среди меньшинств. Напомним, что сам Кафка был пражским евреем, говорившим и писавшим по-немецки, – в то время как сами немцы в Праге всё больше превращались из культурной элиты в маргинальную группу, а их «богемский» патриотизм вступил в противоречие с таким же патриотизмом, но уже чешским. Из бесед Кафки с Г. Яноухом видно, как остро переживал писатель эту ситуацию. В итоге – существование без всякой опоры, без гарантий на будущее. Не случайно первым так резко выразил эту ситуацию киевский еврей Л. И. Шварцман (Лев Шестов) в своём «Апофеозе беспочвенности», с его лейтмотивом: «только для тех, кто не подвержен головокружению!» Старая монархия, при всех её недостатках, ещё хоть как-то давала внешние гарантии, а дальше что? Отсюда ностальгия по «раньшему времени», общая и для евреев Восточной Европы, и для их ближайших соседей, ещё не затронутых новыми идеями. В рассказе Йозефа Рота «Бюст императора» галицийским крестьянам проще было поверить, «что старый император ввёл новые мундиры и освободил Польшу. И его резиденция теперь не в Вене, а в Варшаве».

В таких условиях только традиция, идущая ещё от Торы, давала опору – и не только нравственную. Только она позволяла ответить на вопросы: кто мы вообще? почему мы такие? чего нам ждать? Но и традиция отступала под натиском перемен Нового времени. С одной стороны, она не давала ответов на слишком многие новые вопросы. С другой же, по ироничному выражению Юрия Слёзкина, «Модернизация заключается в том, (...) что князя и крестья-

не превращаются в учителей и торговцев, наследственные привилегии сменяются приобретённым престижем, а место общественных сословий занимают отдельные личности, малые семьи и начитанные племена (нации). Модернизация – это когда все становятся евреями» (Слёзкин 2005: 9). И с этой позиции была яснее видна проблема, которую евреям легче было заметить, но которая касалась всех, а не только их положения, становившегося всё менее специфичным. О. Сивак формулирует эту проблему так: «конфликт между патриархальным, косным, но глубоко устойчивым религиозным сознанием – и логикой энергичного дельца, утрачивающего вместе с почвой и нравственные опоры – ведёт уже прямо к творчеству Шолом-Алейхема и И. Э. Бабея» (с. 94). В этом свете становится понятнее, почему многие интеллектуалы – евреи по происхождению, включая Генриха Гейне и самого Кафку, вначале порывали с еврейской традицией как с «вульгарным суеверием» (с. 94), а затем вспоминали о ней с ностальгией (вспомнить хотя бы «Принцессу Шаббат» того же Гейне) и искали пути к возврату.

Актуальность наследия Кафки ещё больше, и притом с неожиданной стороны, осветил преподаватель Молдавского государственного университета Иван Пилкин в докладе: «**Восприятие творчества Франца Кафки в румынской литературе Республики Молдова**» (с. 99-102). В советское время Кишинёв можно было считать интеллектуальной теплицей. Литература – и классическая, и современная зарубежная – издавалась здесь такими тиражами и в таком ассортименте, что даже из Ленинграда («культурной столицы») сюда ездили специально за книгами. И случалось, что диссиденты, лишившиеся места в Москве, находили в Молдавской ССР хотя бы временное убежище: так случилось, например, с Наумом Коржавиным. И кто бы мог подумать: в этой-то культурной среде Кафка ходил по рукам в самиздате! Кафка, далёкий от политики и писавший о проблемах какого-то совсем иного

мира! Нельзя сказать, чтобы официальные издания его не замечали (слово «замалчивать» уже настолько скомпрометировано «непризнанными гениями» любого рода, что пора бы от него уже вообще отказаться). Но легальная критика не знала, что с Кафкой делать: он не вписывался ни в какую графу. Известно, что большевики были воспитаны на литературе критического реализма и классической музыке XIX века. Всё, что было дальше, казалось им сплошным «декадентством», даже Маяковского Ленин не сразу оценил. Поэтому их преемники, уже зажатые в тиски принудительной идеологии, и вовсе не знали, как быть с авторами, о творчестве которых Ленин в своё время не успел высказаться, и часто впадали в предельно наивные ошибки, если только партийность автора не служила им палочкой-выручалочкой. Так Кафка и превращался в их трудах то в «модерниста» (в качестве ярлыка – почти то же, что и декадент), то в «жертву капиталистической системы». Что можно было понять с таких позиций? Промолчать было проще.

Итог третьей части конференции подвёл поэт и эссеист Эмилиян Галайку-Пэун – стихотворением, посвящённым Кафке.

Возможно, эта рецензия написана по принципу «у кого что болит»: я сознательно больше остановился на тех докладах, тема которых мне была ближе. В целом все представленные на конференции доклады (вошедшие в сборник в качестве статей) представляют несомненный интерес. И следует только приветствовать широкое и многостороннее обсуждение темы, до сих пор привлекавшей меньшее внимание, чем она того заслуживала: наследия старой Австрии, его значения для современности – как в Молдове, так и в Европе и мире. Хочется верить, что это обсуждение, столь удачно начатое, будет иметь не менее успешное и плодотворное продолжение.

Библиографические ссылки:

АКСАКОВ, И. С. Записка И. С. Аксакова о Бессарабских раскольниках. В:

Русский Архив, 1888, кн. III, вып. 11, pp. 434-451.

АНДЕРСОН, Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. Пер. с англ. В. Р. Николаева; вступ. ст. С. П. Баньковской. Москва: КАНОН-Пресс-Ц; Кучково поле, 2001. 288 p. (Серия: *Conditio Humana*). ISBN 5-93354-017-3.

ГРОСУЛ, В. Я. Бессарабия в международных отношениях нового времени. Кишинёв: б.и., 2018. 475 p. ISBN 978-9975-144-03-2.

ЛЕНИН, В. И. 1973. Критические заметки по национальному вопросу. В: Ленин В. И. Полное собрание сочинений, изд. 5-е, т. 24. Сентябрь 1913 – март 1914. Москва: Издательство политической литературы, pp. 113-150.

МИНЦ, И. И. Первые трещины в системе Версаля (1920-1921 гг.). В: Потёмкин, В. П. (ред.). История дипломатии. Т. III. Дипломатия в период подготовки Второй мировой войны (1919-1939). Москва; Ленинград: Государственное издательство политической литературы, 1945. [citat: 20 iulie 2019]. Disponibil: <http://art-of-diplomacy.ru/books/item/f00/s00/z00000000/st008.shtml>.

МОСИОНЖНИК, Л. А. Кто вы, господин Народ? В: Историческая психология и социология истории = *Historical Psychology & Sociology*, 2017, vol. 10, nr. 1, pp. 95-110. ISSN 1994-6287.

ПРИСТЕР, Е. Краткая история Австрии. Москва: Издательство иностранной литературы, 1952. 510 с.

СЛЁЗКИН, Ю. Эра Меркурия: Евреи в современном мире. Авторизованный перевод с английского С. Б. Ильина. Москва: Новое литературное обозрение, 2005. 544 p. ISBN 5-86793-355-5.

СЛУЦКИЙ, М. Б. За три четверти века. Мои воспоминания из детства, юности и полувекковой врачебной и общественной деятельности. Часть первая (годы 1851-1900). Кишинёв: Тип. Акц. О-ва «Unser Zeit», 1927. 122 p.

СЛУЦКИЙ, М. Б. В скорбные дни: Кишинёвский погром 1903 года. Публ., предисл., коммент., указ. Л. А. Моси-

онжника. Санкт-Петербург: Нестор-История, 2019. 328 p. ISBN 978-5-4469-1551-4.

ТАРЛЕ, Е. В. Крымская война. Ч. I. = Тарле Е. В. 1959. Сочинения в 12 томах, vol. VIII. Москва: АН СССР, 1959. 561 p.

ТРОЙНИЦКИЙ, Н. А. (ред.). Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897. III. Бессарабская губерния. [Санкт-Петербург]: Слово, 1905. 254 + XXIII p.

УРУСОВ, С. Д. Записки губернатора. Кишинёв: Litera AVN, 2011. 344 p. ISBN 9975-74-838-4.

ХОРЕВА, О. А. Русские сегодня: новый кризис самосознания с мировыми последствиями. В: Кентавр, 1993, nr. 2, pp. 29-32.

ШИМОВ, Я. Австро-Венгерская империя. Москва: Эксмо, 2003. 608 p. ISBN 5-699-01891-3.

Centrul istoric al Chişinăului 2010: GANGAL, B. (coord.), NESTEROV, T., RÂBALKO, E., STAROSTENCO, P., GARKONIŢĂ, R., GANGAL, T., NAZAROV, A. Centrul istoric al Chişinăului la începutul secolului al XXI-lea: Repertoriul monumentelor de arhitectură. Chişinău: ARC, 2010. 567 p. ISBN 978-9975-61-599-0.

SOLONARI, V. Purificarea naţiunii. Dislocări forţate de populaţie şi epurări etnice în România lui Ion Antonescu, 1940-1944. Trad. de Cătălin Drăcşineanu. Iaşi: Polirom, 2015. 424 p. ISBN 978-973-46-5266-2.

WAGNER, W. J. Der große illustrierte Atlas Österreich-Ungarn. Das Habsburger Reich in Wort, Bild und Karte. Mit einem Vorwort von Hugo Portisch. Wien: Verlag Carl Überreuter, 2009. 160 S. ISBN 978-3-8000-7439-6.

Для референсов – оригинальные названия

ANDERSON, Benedict. *Imagined Communities. Reflections on the origin and spread of nationalism.*

PRIESTER, Eva. *Kurze Geschichte Österreichs.* [Wien, 1949].

Biblioteca Națională
a Republicii Moldova

Lansare de carte
Moşteniri comune
Common Heritage
Общее наследие

publicată de Biblioteca Națională a Republicii Moldova în colaborare
cu Ambasada Austriei la Chişinău și Forumul Cultural Austriac Bucureşti

26 septembrie 2019, ora 14.00

Biblioteca Națională a Republicii Moldova, blocul central, etajul 3, bir. 23
Centrul Pro-European de servicii și comunicare